

Е. П. КАРНОВИЧ

ХОЗЯИН И ГОСТЬ

Очерки и рассказы из старинного быта Польши

Евгений Карнович

Хозяин и гость

«Public Domain»

1873

Карнович Е. П.

Хозяин и гость / Е. П. Карнович — «Public Domain»,
1873 — (Очерки и рассказы из старинного быта Польши)

«Старинная Польша отличалась гостеприимством. „Гость в дом, Бог в дом“ – говорит одна польская пословица. Принять в своем доме гостя и отпустить его от себя вполне довольным, взяв с него обещание приехать снова, было для поляков прежнего покроя одним из высших наслаждений. Чтобы как можно яснее выразить это чувство, сродное впрочем всему славянскому племени, один богатый шляхтич приказал на своем доме сделать следующую надпись: „для приятелей, земляков и соотчичей и во славу Бога построил я этот замок“. Недостаточно было, однако, только накормить заезжего гостя, нужно было уметь напоить его...»

Евгений Петрович Карнович

Хозяин и гость

Старинная Польша отличалась гостеприимством. «Гость в дом, Бог в дом» – говорит одна польская пословица. Принять в своём доме гостя и отпустить его от себя вполне довольным, взяв с него обещание приехать снова было для поляков прежнего покроя одним из высших наслаждений.

Чтобы как можно яснее выразить это чувство, сродное впрочем всему славянскому племени, один богатый шляхтич приказал на своём доме сделать следующую надпись: "для приятелей, земляков и соотчичей и во славу Бога построил я этот замок". Недостаточно было, однако, только накормить заезжего гостя, нужно было уметь напоить его. Не будем удивляться, что страсть пить была необыкновенно развита в Польше; это было, впрочем, не пьянство, а удалые попойки в приятельском кругу. Быть самому крепкоголовым и сподить своих гостей считалось в прежнее время у поляков одним из главных условий радушного приёма. Люди, умевшие лихо пить, приобретали себе почётную известность. В этом искусстве были своего рода конкурсы и премии. Так, в начале царствования Августа II, воевода равский Валицкий велел сделать огромный серебряный кубок, осыпал его драгоценными камнями и объявил по всей Польше и по всей Литве, что тот, кто выпьет разом этот кубок, вмещавший в себе гарнец, тот получит его в подарок, но что тот, кто возьмётся за это и этого не исполнит, вместо кубка получит 50 батогов. Множество гостей-конкурентов приезжали в воеводе; иные посмотрят на кубок, пошепчутся между собой, поедят, попьют у воеводы, да и с Богом домой: нечего напрасно и искушать себя. Но были и такие, которые уезжали от воеводы, увозя с собою, вместо кубка, память о полусотне батогов и сознание своей немощи. Были наконец и такие, которые расставались с гостеприимным хозяином, не по получении от него 50-ти, но целой сотни батогов, потому что, жадно посматривая на дорогой кубок, они принимались за него два раза, и каждый раз исполнение обоюдных условий оканчивались батогами. Чтобы не сделать расправу позорною в глазах братии-шляхты, воевода приказал вырезать на кубке надпись *Volenti non fit iniuria* в том смысле, что в получении пятидесяти батогов, по своему собственному согласию, нет ничего предосудительного для шляхтича. Прошёл год в таких напрасных попытках. На другой год явился из Литвы один удалец и успел увезти кубок с собою.

Позднее Валицкого, Адам Малаховский, этот образец благородства и рыцарства, поставил себе в обязанность уплаивать своих гостей, но он уплаивал их до того, что все наконец стали объезжать мимо радушного хозяина. Несколько гостей были жертвою его дружеского приёма и улеглись на кладбище в имении Малаховского. Если нужно было кому-нибудь непременно видеть Малаховского, то они предварительно вступали с ним в переговоры о количестве, которое должно быть выпито в его доме, и брали от него особые в этом случае подписки. Малаховский был честен, и следовательно на него можно было положиться, но только трудно было добыть от него такое обязательство. Притом слуги, которые посылались к Малаховскому для подобных переговоров, были опаиваемы им в течение нескольких дней, и поэтому паны, желавшие видеть Малаховского, должны были жить в его соседстве иногда очень долго, поджидая возвращение своих загулявших посланцев.

На больших пирах и на приятельских сходках дело обыкновенно оканчивалось тем, что сперва гостей, одного за другим, а потом и самого хозяина выносили из-за стола в беспамятстве и укладывали на постели, другие предупреждали такие выносы тем, что сами спускались под стол и там оставались покуда не приходили в себя.

Такая страсть в выпивке ещё в начале XVIII века существовала и у нас; стоит только заглянуть в дневник гольштинского камер-юнкера Берхгольца, чтоб видеть, как славно пили

при дворе Петра I, как он заставлял пить и послов, и придворных дам, а для того, чтобы никто не мог уклоняться от этого, ставил в дверях военный караул.

У поляков угощение и попойка, кроме значения их как проявления гостеприимства, имели ещё политическую важность. Магнаты поддерживали своё влияние среди мелкой шляхты, кормя её и поя на свой счёт. Так известный Карл Радзивилл, имевший прозвание "Panie Kochanku", приезжая на сеймик в Новогрудок, обедал два раза, сперва ел с мелкою шляхтою рубцы (фляки) и крупничек, а потом обедал во второй раз с значительными шляхтичами. Для таких угощений убивали на счёт Радзивилла ежедневно двух волов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.